

ЗАМЕТКИ ОБ УЧЕБНОМ ПОСОБИИ

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Карасёва Людмила Аршавировна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»,
заведующий кафедрой экономической теории
г. Тверь, Российская Федерация. E-mail: ideal_ideal@mail.ru

Передо мной объемное и в определенной мере фундаментальное учебное пособие, подготовленное П.С. Лемещенко, «Институциональная экономика: теория, политика, практика» (Минск, Мисанта, 2015 г.). Обращает на себя внимание, что в условиях явного интереса в России к проблемам институциональной экономики на современном этапе и появления целого ряда разного уровня учебников и учебных пособий [1, с. 52], данное пособие имеет свое лицо, прежде всего, благодаря творческому и в определенной мере дискуссионному характеру.

В рецензии В.М. Мелиховского, опубликованной в предыдущем номере 6-м (30-м) журнала «Теоретическая экономика», дана подробная характеристика основного содержания и идей пособия, с которой мы (особенно в положительной части) согласны. Поэтому с большим уважением относясь к работе автора, считая, что пособие можно и нужно рекомендовать студентам для изучения институциональной экономики, остановимся на методологических, теоретических и частично методических положениях, носящих, по-нашему мнению, дискуссионный характер.

В первую очередь выделим исходный тезис автора о роли институциональной экономики и институциональных норм в условиях обнаружившихся на современном этапе острых проблем хозяйственной практики и логических противоречий теории экономики.

П.С. Лемещенко отмечает, что среди «новых направлений и подходов к экономике в частности и обществу в целом ... оказалась междисциплинарная теория, которая в качестве главной единицы исследования избрала институты. ... последние являются главной цементирующей силой общества, в котором экономическая система *выступает всего лишь зависимой подсистемой с ее известными элементами* (выделено нами) (факторами), фиксируемыми традиционно экономистами» [2, с. 10]. Во-первых, нам видится в таком подходе методологическая неточность, связанная с абсолютизацией институционального уровня исследования. Во-вторых, признавая междисциплинарный характер институциональной теории, важно сохранять специфику предмета экономической теории.

Почему именно данный аспект выделяется нами? Потому, что от него зависит включенность институциональной теории в предмет экономической теории, от него зависит, как студенты – будущие экономисты – будут воспринимать хозяйственную практику и хозяйственные проблемы. Будут ли они различать хозяйственные и экономические отношения; сумеют ли вычленять в многообразии форм проявления хозяйственных проблем их экономическое содержание; моделировать в ходе исследования влияние организационно-экономических, институциональных норм, психологических, ценностных и других факторов на экономическое поведение субъектов хозяйствования. Также важно, на наш взгляд, формировать у студентов понимание того, что исследование этого влияния не может быть плоскостным. Даже в рамках институционального уровня нормы субординированы.

Поясним нашу мысль, используя структурно-уровневый подход к исследованию хозяйственной системы. В нашей версии структура хозяйственной системы представлена технико-экономическим, социально-экономическим уровнями, образующими экономическую систему – ядро хозяйственной, – и хозяйственным уровнем. Хозяйственный же уровень, в свою очередь, включает организационно-экономический, институциональный и собственно хозяйственный подуровни [3, с. 25–26]. Осуществление социально-экономических форм и норм невозможно без опосредования организационно-экономическими, институциональными и собственно-хозяйственными формами и нормами. Возникающая на этой основе хозяйственная организация общества «и устойчива (своей экономической сущностью), и изменчива как хозяйственное явление» [4, с. 51]. При этом более глубокие уровни предопределяют функционирование более поверхностных слоев, в свою очередь *их осуществление зависит от исполнения своих функций верхними слоями.*

А это означает, что институциональный уровень объективно обусловлен тем, что по мере развития процесса обобществления производства, нарастания монополизации производства и обращения увеличивается роль *общественно-сознательного воздействия* на экономику. Этот уровень, особенно в части норм, правил, устанавливаемых государством, становится всё более существенным для нормального функционирования экономики, для институционализации социально-экономических отношений.

Опасны как недооценка, так и абсолютизация этого уровня функционирования социально-экономических отношений. Во «Введении» П.С. Лемещенко отмечает, что «институты не только направляют усилия людей, устанавливая на формальном и неформальном уровнях систему норм и ограничений, но и *формируют их интересы*, определяют параметры отношений и взаимодействий внутри фирм, между фирмами и организациями, между субъектами хозяйствования и государством» [2, с. 10]. Но встает вопрос, о каких интересах идет речь? Если хозяйственных, то остается за рамками исследовательская проблема, состоящая в необходимости выявления влияния институциональных норм на модификацию и (или) деформацию экономических интересов, что и отражается в хозяйственном поведении субъектов экономики. Если об экономических интересах, то тем самым снимается проблема адекватности или неадекватности институциональных норм социально-экономической природе экономических отношений, а, следовательно, и проблема деформации экономических отношений, мнимости их хозяйственных форм реализации. В этой связи, действительно, важное значение имеют исследования современных костромских ученых-институционалистов по *теории интересов и их влиянию на институциональные связи государства* (выделено нами) [1, с. 53]. В этой связи, безусловно, важно и нужно изучать «институты, направляющие усилия людей», институциональные ловушки и факторы, способствующие выходу из них» и др., но столь же важно и необходимо изучать их объективную социально-экономическую природу, без чего глубинные причины их возникновения, а, следовательно, и ключевые проблемы преодоления останутся без внимания.

В учебном пособии (Глава 3 «Модель экономического человека») П.С. Лемещенко специально выделяет субъекта – человека с его потребностями и интересами как главного фактора производства [2, с. 62–95], ставя проблему мультидисциплинарности, реализацию которой может обеспечить институциональная экономика. *Эта глава, по-нашему мнению, – яркий пример достойного критериального анализа интерпретаций человеческого фактора различными экономическими школами.*

Вместе с тем, после ее прочтения возникают скорее вопросы на понимание, нежели критика. Так, в конце главы автор пишет: «... требуется выяснить нечто совершенно иное, а именно каким образом интересы благополучия связываются с обладанием материальными благами и каким путем всеобщее инстинктивное стремление к благополучию превращается в конкретные хозяйственные

интересы. Поэтому «человек экономический» — это сложная социально-экономическая категория, которая изменяет свое содержание вместе с эпохой. Прimitивное и упрощенное ее толкование приводит к неадекватным исследовательским результатам» [2, с. 94]. Очевидно, что автор различает «человека экономического» и человека хозяйствующего с его хозяйственным интересом. Но тогда почему в Пособии прочитывается субъектный подход в экономико-теоретическом исследовании как субъектно-субъективный?

На наш взгляд, *субъектно-поведенческое может быть и субъектно-объективным, и субъектно-субъективным*. Субъектно-объективное исследование представлено развертыванием и уточнением сущности экономических отношений через механизм ее реализации, опосредованный *действием и деятельностью экономических субъектов*, наделённых особым интересом социальной активности. Данное методологическое положение имеет прямое отношение к исследованию рационального экономического поведения и рациональной экономической деятельности, так как именно они составляют объективную основу хозяйственного поведения и хозяйственной деятельности, через которые экономические отношения могут быть осуществлены, функционируя и развиваясь. Тогда *рациональное* понимается как целесообразное, обоснованное с точки зрения *реализации объективного экономического интереса*. Если внешние условия реализации социально-экономического статуса субъекта не позволяют ему реализовать экономический интерес, то он объективно позиционирует себя как хозяйствующий субъект в роли, отличной от нормативно-заданного статуса. Возникает *экономическая иррациональность его действий*. Так, несмотря на заключенный договор найма, у наемного рабочего на предприятии в маленьком городке может формироваться крепостническая модель поведения, а у его хозяина – феодальное мышление и соответствующая модель поведения. И тогда такая модель поведения вполне экономически рациональна, например, с точки зрения частного хозяйственного поведения рабочего, но иррациональна с точки зрения его статуса как наемного рабочего. В этих условиях рыночная форма функционирования одного из главных факторов производства принимает мнимую форму своего осуществления.

Здесь уже развертывается проблема реализации субъектно-поведенческого подхода как *субъектно-субъективного, которая связана с субъективным осознанием экономического интереса*. Это проблема побудительного мотива как формы реализации экономической необходимости в сознательной деятельности людей. В рамках подуровня бытового восприятия (собственно хозяйственного подуровня) актуализируется субъективное восприятие хозяйствующими субъектами функционирующих организационно-экономических и институциональных норм и институтов. Хозяйственный выбор формируется на основе субъективного индивидуального осознания социально-экономических ролей, социально-экономических статусов, организационных и институциональных норм и институтов, которые определяют привычные или одобряемые обществом модели поведения.

Теоретически актуализируется проблема различения *«меры рациональности»* и *«иррациональности»* действий хозяйствующих субъектов. «Ограниченная рациональность», связанная с приятием решений в условиях той или иной неопределенности, и ее разновидность – *адаптивная рациональность* – «рациональность, основанная на интерпретации институтов в контексте рассеянного среди акторов неявного знания» [5, с. 59]. В случае ограниченной рациональности речь идет о том, что при прочих равных условиях, в частности, например, адекватности функционирующих институтов природе социально-экономических отношений, *экономический* интерес сохраняется в той или иной мере в качестве *основы хозяйственного* интереса.

Прямо противоположная ситуация может возникнуть, например, при нарушении этого соответствия, когда «...иррациональность поведения может детерминироваться существующими неэффективными или субоптимальными институтами, которые не позволяют актерам эффективно

использовать неявное или рассеянное знание, использовать и реализовывать преимущества рыночной экономической координации» [5, с. 60].

Конкретно-исторические мотивы хозяйственной деятельности и формы проявления экономических отношений определяются и социально-психологическими, и национальными, и культурными факторами. «Одни и те же формальные и неформальные институты могут получать различные интерпретации, в зависимости от культурных, гендерных, ситуативных и других факторов», а «...психические особенности восприятия и интерпретации информации могут приводить к психологическим искажениям при принятии хозяйственных решений» [5, с. 59]. Они способны не только модифицировать содержание экономических интересов и соответственно целей, делая их рамки чрезвычайно подвижными, но и деформировать их, например, когда в *основе* хозяйственного выбора будет лежать *не экономический*, а *политический* или *нравственный*, или иной *неэкономический* выбор. Свидетельством тому являются дискуссии о нормативном или дескриптивном характере теории экономического поведения, утверждения «о нормативном повороте в недавних работах по экспериментальной и поведенческой экономике» [6]. Тогда следует четко понимать, о какой рациональности или иррациональности идет речь. *Поведение субъектов может быть иррационально по экономическому критерию, но вполне рационально по политическим, нравственным или иным мотивам.*

Самостоятельное значение имеет теоретическое изучение закономерностей изменения экономических интересов, а, следовательно, и уточнение или изменение моделей экономического поведения. Но актуализация того или иного аспекта исследования хозяйственного уровня и его подуровней (организационно-экономического, институционального или собственно хозяйственного) на разных этапах функционирования хозяйственной системы может свидетельствовать об уточнении механизма реализации экономических отношений, модели хозяйственного поведения и деятельности. Но совсем не обязательно это будет означать смену содержания экономических интересов и моделей экономического поведения.

В этой связи чрезвычайно важны исследования хозяйственной деятельности субъектов экономики социологами, психологами, ибо они подготавливают широчайший материал эмпирической теории рационального выбора, но это лишь первый шаг в движении к познанию модели экономического поведения и механизма ее осуществления. Отметим практическую важность теоретических исследований в этой области. Конечно, необходимо избегать крайностей. Так, если экономическая политика носит констатирующий характер, опирается на исследования, описывающие повседневный опыт, на искаженные картины социальной и хозяйственной действительности, то вряд ли она будет эффективной. Но важен и другой аспект данной проблемы. Не понимая причины и механизма модификации экономического поведения, условий его деформирования, механизма формирования групповых экономических интересов, как основы институционального новаторства, нельзя выработать действенные меры формирования среды, способствующей преодолению деформационных процессов в хозяйственной системе.

И еще одно чисто методическое размышление. Анализируемое учебное пособие, еще раз подчеркнем его актуальность, глубину и теоретическую выверенность, несколько перегружено для студенческого восприятия. Может быть, следовало бы разнообразить подачу материала по форме, сократить объем, подчинив содержание ключевой цели, обозначенной автором. Подводя итог, заметим, что учебное пособие, подготовленное П.С. Лемещенко, содержит множество творческих идей, которые будят мысль, а поэтому оно, безусловно, будет полезно магистрантам, аспирантам.

¹ Нам приходилось писать об этом, см. Карасёва Л.А. К вопросу о рациональности и иррациональности выбора хозяйствующих субъектов [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелиховский В.М. Общее и особенное: рецензия на учебное пособие П.С.Лемещенко «Институциональная экономика: теория, политика, практика» [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info/articles/972.pdf>
2. Лемещенко П.С. Институциональная экономика: теория, политика, практика.: Учебное пособие / П.С. Лемещенко – Мн.: Мисанта, 2015. – 692 с.
3. Карасёва Л.А. О методе структурных уровней в исследовании хозяйственной системы / Л.А.Карасева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: экономика и управление. – 2012. – № 15. – С. 25–26.
4. Квасов Р.А. Философия экономических отношений / Р.А. Квасов // Экономический Вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – №3. – С. 51.
5. Вольчик В.В. Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте / В.В. Вольчик, Т.А. Зотова // TERRAECOMICUS. – 2011. – Том 9. – № 4. – С. 59.
6. Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее / У. Хэндс // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 52–72
7. Карасёва Л.А. К вопросу о рациональности и иррациональности выбора хозяйствующих субъектов / Л.А. Карасёва // Экономический нобелевский вестник. – 2014. – № 1. – С. 214–223